

Валентина ЛЬВОВА

■ 6 июня - 220 лет со дня рождения «солнца русской поэзии».

День рождения - праздник детства. Это потом будет слава, любовь, разочарования и дуэли. А пока в Москве появляется лишь запись в метрической книге церкви Богоявления в Елохове о том, что у «Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр». Там же Сашу и крестили.

Он не был любимым сыном. Отец, майор, поэт-любитель, был одновременно и скуповат, и мотоват. Надежда Осиповна, внучка легендарного Абрама Ганнибала, родила мужу восемь детей, из которых четверо умерли в младенческом возрасте, а один - в шестилетнем. Остались старшая Ольга, Александр и Лев, обожаемый матерью. Сашу же считали увальнем.

Удивительно, что про детство и дом Александр Сергеевич практически не пишет в стихах. Все это в его произведениях олицетворяет няня Арина Родионовна, но не родители, и даже не бабушка, с которой он проводил лето в Захарове близ Звенигорода. По стихам его получается, что наиболее яркие впечатления начались в Царскосельском лицее, куда будущий поэт попал в двенадцать лет. Если бы история допускала использование сослагательного наклонения, то Пушкин мог бы учиться с Николаем I: лицей

Так в 1954 году представляла себе юного Пушкина в Лицее художница Ирина Витман.

КОГДА БЫЛ ПУШКИН МАЛЕНЬКИЙ С КУДРЯВОЙ ГОЛОВОЙ

изначально устраивался как учебное заведение, где великие князья изучали бы науки вместе со сверстниками, а Николай был лишь на три года старше будущего поэта. Но императрица Мария Федоровна этому плану помешала.

Зато Пушкин именно здесь воспринял себя как поэта, когда лицеисты провожали гвардейские полки на войну с Бонапартом. Ему было тринадцать. К остальным учебным занятиям он относился легко и беззаботно. По воспоминанию его одноклассника Ивана Пущина, «все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик». Увальнем он уже не был.

Кабинет в усадьбе Вульфов в Берново, где часто гостил поэт.

СВАТОВСТВО В МАЛИННИКАХ

Максим ЧИЖИКОВ

■ Всем знакомы Михайловское или Болдино. Но есть и не столь раскрученные места, крепко связанные с поэтом. По таким и прокатился корреспондент «СВ» с членами Посткома СГ и МИА «Россия сегодня».

ЗАВИСАЛ У ВУЛЬФОВ

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный -
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры...

Эти строчки Александр Сергеевич написал в Тверской губернии в поместье Прасковьи Осиповой (в первом браке Вульф) с аппетитным названием Малинники. Поместье, конечно, громко сказано: так, небольшой дом, где Пушкин занимал комнату сына хозяйки. Места сказочные, для написания стихов идеальные - рядом еще и расчудесные Торжок, Старица. Пушкин зависал тут иногда на месяц - полтора: отдыхал, посещал балы, заигрывал с незамужними девицами, сватался, но безуспешно. Выставленный в музей перечень написанных им здесь стихов с трудом уместается на двух листах. Увы, ни Малинники, ни Покровское (эта усадьба также принадлежала Вульфам) не дожили до наших дней. В руинах стоит еще одно соседнее поместье - Грузины, которым владел дед Анны Полторацкой. Той самой, которую мы знаем как Анну Керн.

Тем удивительнее, что другая усадьба Вульфов - Берново - каким-то чудом устоя-

ла и внутри даже не перестраивалась. Поэт в этом доме часто останавливался на день-два. Для него была устроена отдельная комната с выходящими в парк окнами. Теперь тут расположен музей - один из самых молодых пушкинских в стране. Ему чуть больше сорока лет. Зато экспонаты самые что ни на есть подлинные.

Идешь сквозь анфиладу комнат словно в XIX веке. Мебель хозяйская, как при Пушкине: стол-контровка, кресла, книжный шкаф. В свое время их вывезли отсюда в Петербург, а потом один из потомков, Дмитрий Вульф, подарил эти предметы музею. Остальное собирали или выкупали по окрестным деревням. В гостиной есть диван, на котором поэт отдыхал. В одной из комнат висит люстра того времени, с нее делали копии остальных светильников.

И гряда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет...

Это воспоминания поэта о Бернове. Отдельная история - английский парк усадьбы, липы, которые помнят Пушкина. Горка Парнас, где, как вам расскажут экскурсоводы, любил отдыхать поэт. С липами связана одна из легенд. Среди первых владельцев усадьбы был стольник Алексей Калитин. Он получил средства из казны на посадку аллеи - аж от Москвы до Санкт-Петербурга. Но деньги потратил, а деревья не высадил. Усадьбу у него отобрали. А липы в Берново сажал уже новый хозяин - Иван Вульф. На свои деньги.

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

«МАКАРОНИ» ИЗ ТВЕРИ

Мимо Тверской губернии Пушкин никак не мог проехать: Александр Сергеевич регулярно курсировал между Санкт-Петербургом и Москвой. И останавливался по пути отдохнуть и перекусить. Как-то у него родилось:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони
Да яичницу свари...

Гостиница Гальяни в Твери с тех пор не раз перестраивалась, сейчас здесь банк, а о том, что в доме бывал поэт, напоминает только табличка.

Есть такая же и в Торжке - на здании бывшей гостиницы Пожарских. Ее хозяйка первыми научилась готовить чудные куриные котлетки - рубленые, а не на кости. «Пожарскими» котлетами угощали императора Николая I и, само собой, постояльцев. Пушкин настолько проникся деликатесом, что и их увековечил.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай,
И отправься налегке...

Реконструированное здание гостиницы сейчас принадлежит Всероссийскому историко-этнографическому музею. А пушкинская экспозиция в Торжке располагалась в доме, которым когда-то владел дед анархиста Михаила Бакунина. Она посвящена путешествиям поэта из Петербурга в Москву. Среди экспонатов - дорожный сундук, упряжь для лошадей, обстановка избы станционного смотрителя.

ПЕРЕВЕДИ
МЕНЯ

ЕВГЕНИЙ И ГЕНИИ

Софья АРСЕНЬЕВА

■ «Онегина» на мову перекладывали дважды. Не обошлось без приключений.

Классики белорусской литературы любви к Пушкину никогда не скрывали. Якуб Колас считал его наставником: «Хорошо помню: в детские годы в моей пастушьей сумке лежал небольшой, довольно потрепанный томик пушкинской поэзии... Среди природы, где-нибудь на краю бора или в прибрежных кустах, с восторгом читал поэмы и стихи, заучивал их наизусть... Детским сердцем чувствовал непреодолимую власть чарующего пушкинского стихотворения, гармоничной формы и содержания, его многоголосый отклик в моей душе».

Неудивительно, что в 1930-х, будучи прославленным писателем, Колас с удовольствием взялся переводить «Полтаву». Тогда же Янка Купала открыл белорусам «Медного всадника». А вот перевод «Евгения Онегина» доверили «неблагонадежному», но чрезвычайно талантливому молодому поэту Алесю Дударю:

...Анегін, друг мой
старадаўні,
На свет радзіўся ля Навы,
Дзе мо радзіліся і вы,
Або жылі ў долі слаўнай.
Было там весела і мне.
Ды шкодна поўнач для мяне...

Творение Пушкина на белорусский лад прозвучало из уст переводчика лишь раз, зато с каким размахом! Алесь вдохновенно читал строфы на творческом вечере, а его голос передавали репродукторы по всему Минску.

Однако вскоре Дударя арестовали и приговорили к расстрелу. Перевод, к сожалению, так и не был издан, рукопись исчезла.

Уже в послевоенное время популярным стал белорусский вариант «Онегина» от Аркадия Кулешова (он же перевел пушкинских «Цыган»).

Казалось, все окончательно смирились с новым переводом и забыли о старом. А он взял да и всплыл спустя семьдесят лет! После расстрела Алеся Дударя его «Евгений» чудом остался в семье. Сначала рукопись хранила мама, потом - сестра, а затем - ее дочь. В 2017-м дударевский перевод вышел в свет. Теперь у белорусов не один, а целых два своих «Онегина»!